

Костромские выборные дворяне рубежа XVI–XVII веков

Дмитрий Лисейцев

События Смутного времени начала XVII в. оставили глубокий след в истории России. Учёными сделано немало для реконструкции хода событий Смуты, выяснения социального состава её участников, целей и мотивов их политического поведения. Долгое время внимание исследователей было приковано к изучению роли социальных низов – холопов, крестьянства, казачества в Смуте, трактовавшейся как «крестьянская война и иностранная интервенция». Понимание Смутного времени как первой в истории России гражданской войны ставит на повестку дня вопрос о рассмотрении места провинциального дворянства в событиях начала XVII в.¹

Особый интерес для изучения представляет категория дворян, именовавшихся в документах того времени «выборными из городов» или просто «выбором». Фиксация их имён в боярских списках, с одной стороны, позволяет считать выборное дворянство самым многочисленным чином государева двора на начало XVII в.² С другой стороны, выборные дворяне учитывались и в документации, содержащей списки уездных детей боярских. Это, в свою очередь, даёт основания причислить «выборных» к «верхнему, “правлящему” слою “города”»³. «Выборные из городов» были связующим звеном между уездными служилыми корпорациями и Государевым двором. В настоящей статье будет прослежена эволюция верхушки провинциальной служилой корпорации Костромского уезда в конце XVI – начале XVII в.

В начале царствования Фёдора Ивановича, согласно боярскому списку 1588/89 г., по Костроме служили 24 выборных сына боярских и приравненные к ним 2 служилых литвина⁴. Самое видное место в перечне занимает род Овцыных. Открывается список костромского выбора именем Григория Семёновича Овцына. Ранее он состоял в «особом дворе» Ивана Грозного (с денежным окладом 5 рублей). В 1572 г. Григорий Овцын участвовал в свадьбе Ивана IV; в апреле 1574 г. во время похода царя в Серпухов был рындой. В 1577 г. Григорий Овцын служил по Можайску с окладом 450 четей (и был направлен «в дозор для стрельцов»). В 1581–1582 гг. он нёс службу в головах в осаждённом войсками Стефана Батория Пскове, а до того – в ливонском городе Куkenойсе;

© 2013 г. Д.В. Лисейцев

¹ *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000; *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2008; *Лаптева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010.

² *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 108, 119.

³ *Козляков В.Н.* Служилый «город» Ярославского уезда в конце XVI – первой половине XVII века // Архив русской истории (далее – АРИ). Вып. 6. М., 1995. С. 88.

⁴ *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 221–222.

в 1581/82 г. находился на службе в Заволочье. Кончина Ивана Грозного застала его на воеводстве в Ладогѣ⁵. В состав двора Ивана IV входили и родичи Григория Семёновича – Василий и Пётр Афанасьевичи Овцыны. В марте 1576 г. братья упоминаются как бывшие помещики Ржевского уезда: их сельцо передали в поместье Ивану и Кузьме Безобразовым⁶. После смерти Ивана IV его «двор» был расформирован, и Овцыны были включены в состав костромской служилой корпорации: Григорий в 1588/89 г. возглавлял список костромских выборных с окладом 700 четей; Василий и Пётр имели по 550 четей поместного оклада. В состав костромского выбора 1588/89 г. вошёл и их младший брат – Михаил Афанасьевич Овцын (с окладом 400 четей)⁷.

Семейство Овцыных имело прочные корни в Костромском уезде: обнаруженный В.Н. Козляковым документ о переселении детей боярских в Новгородский уезд в период опричнины свидетельствует о том, что Овцыны владели поместьями в Костромском уезде уже в середине XVI в.⁸ Это и стало причиной перевода Овцыных в состав костромской служилой корпорации после роспуска «особого двора» Ивана IV. Подобный пример демонстрирует карьера дьяка А.В. Шерefeldинова, коломенского вотчинника, служившего при царском дворе и оказавшегося вскоре после смерти царя в опале, а затем вошедшего в ряды выборных по Коломенскому уезду⁹.

Из четверых Овцыных, записанных в костромском выборе 1588/89 г., трое скончались ещё до начала Смуты. Старший из представителей семейства, Григорий Овцын, в 1588/89 г. находился «у городского дела» в Астрахани, в 1589/90 г. мы видим его на посту воеводы в Самаре. В 1591/92 г. он был осадным головой и руководил строительством острога в Дедилове. В 1593/94–1594/95, 1596/97 – сентябре 1598 гг. он вновь воевода в Самаре, а в 1601/02 г. получил назначение в воеводы Курска, где и скончался на службе в 1602/03 г. Он возглавил список костромского выбора в 1602/03 г. с прежним окладом – 700 четей. Его вдова Марья в 1616 г. владела в Костромском уезде прожиточным поместьем в 100 четей¹⁰.

Пётр Овцын ушёл из жизни ещё раньше: его имя отсутствует в боярских списках начала XVII в. В 1616 г. в Костромском уезде жила его вдова Фетинья с 18-летним сыном и двумя незамужними дочерьми. По словам вдовы, «поместья... нет за ними ни одной четверти, а живет де она на пустоши своей..., и та деи в пуге». Василий и Михаил Овцыны числятся в костромском выборе в 1598/99 и 1602/03 гг. с одинаковыми поместными окладами – по 550 четей.

---

⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. (Далее – РК 1475–1605). Т. II. Ч. II. М., 1982. С. 290, 363; Т. III. Ч. I. М., 1984. С. 190, 197, 201, 220; Т. III. Ч. II. М., 1987. С. 30; Список опричников Ивана Грозного. Рукописные памятники. Вып. 7. СПб., 2003 (далее – СО–1573). С. 60; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 199.

⁶ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Сборник документов (далее – АСЗ). Т. IV. М., 2008. № 27. С. 23; СО–1573. С. 59, 60–61.

⁷ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 221–222.

⁸ *Козляков В.Н.* Новый документ об опричных переселениях // АРИ. Вып. 7. М., 2002. С. 203, 210.

⁹ *Мазуров А.Б.* Государев дьяк Андрей Шерefeldинов и его род // Российская история. 2011. № 2. С. 77–92.

¹⁰ РК 1475–1605. Т. III. Ч. II. С. 135, 171; Т. III. Ч. III. М., 1989. С. 30, 80, 98, 116; Т. IV. Ч. I. М., 1994. С. 131, 139; Т. IV. Ч. II. М., 2003. С. 62; *Антонов А.В., Маутафаров А.В.* Вотчинные архивы нижегородских духовных корпораций конца XIV – начала XVII веков // Русский дипломатический архив (далее – РДА). Вып. 7. М., 2001. № 101. С. 438; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 262; РГАДА, ф. 210 («Разрядный приказ»), оп. 11, д. 1, л. 97.

Сведения о младшем из братьев, Михаиле, на этом обрываются. Василий Овцын в 1600/01–1602/03 гг. находился на воеводстве в Царицыне и успел принять участие в событиях Смутного времени. В 1606 г. он служил в объезжих головах в Китай-городе; в мае 1610 г. за участие в обороне Москвы ему была выдана жалованная грамота на вотчину в Костромском уезде. К этому моменту В.А. Овцын выслужил более высокий поместный оклад – 650 четей. В боярском списке 1611 г. он записан среди московских дворян; впрочем, напротив его имени имеется помета – «болен». Надо полагать, около этого времени Василий Овцын скончался¹¹.

Из двора Ивана Грозного в костромскую служилую корпорацию попали трое представителей рода Васильчиковых. Назарий Борисович и Григорий Андреевич Васильчиковы записаны в список дворовых Ивана IV 1573 г. с окладами 50 и 40 руб. соответственно. Они, а также их однородец Никита Григорьевич Васильчиков, в боярском списке 1577 г. были записаны в дворянах. После смерти Ивана Грозного они выбыли из состава двора. Н.Б. Васильчиков в 1585 г. упоминается как письменный голова, отправленный в Новгород для организации строительства городских укреплений. В костромском выборе 1588/89 г. Григорий Андреевич записан вторым с окладом 700 четей, Никита Григорьевич имел оклад 550 четей, Назарий Борисович – 450 четей¹². Назарий Васильчиков скончался около 1590 г. Никита Васильчиков, умерший к началу XVII в., не смог выйти из состава провинциального служилого люда. Его сыновья Назарий и Тимофей в 1604 г. числились недорослями; при Василии Шуйском их костромское поместье было отписано на государя, но в феврале 1607 г. возвращено. Лишь Григорий Васильчиков смог вернуться в состав Государева двора: в 1589/90 г. его пожаловали в московские дворяне; в этом новом чине он упоминается в объезжих головах в Китай-городе в 1591 г.¹³

Из «особого двора» в состав костромского служилого города были переведены двое братьев Новосильцевых. Угрим Васильевич Новосильцев в боярском списке 1577 г. числился в «стряпчих с чеботы», в росписи ливонского похода того же года записан жильцом, как и его брат Григорий. Последний, кроме того, в этом походе был поддатнем у рынды. В 1588/89 г. они имели в Костроме оклады 500 и 450 четей. Костромской выбор оказался последним местом службы Григория Новосильцева: после 1588/89 г. упоминаний о нём не обнаруживается. Старший из братьев, Угрим, в 1598 г., во время серпуховского похода Бориса Годунова, собирал «суды плавные». В 1600/01–1603 гг. он служил в головах в Верхотурье, оставаясь выборным по Костроме с окладом 500 четей¹⁴.

С двором Ивана Грозного был связан кн. Дмитрий Данилович Друцкий, записанный в костромском выборе 1588/89 г. с окладом 600 четей. Его отец,

¹¹ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 39; РК 1475–1605. Т. IV. Ч. I. С. 108, 133; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 254, 262; *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 117; АСЗ. Т. II. М., 2001. № 321. С. 284–285; Осадный список 1618 г. (далее – ОС–1618) // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. (далее – ПИВЕ). М.; Варшава, 2009. С. 458; Боярский список 7119 года (далее – БС–1611) // ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 92.

¹² СО–1573. С. 56; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 195, 221; РК 1475–1605. Т. III. Ч. II. С. 59.

¹³ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 218, 221, 324, 325, 394; АСЗ. Т. II. № 68. С. 78–79; *Павлов А.П.* Указ. соч. С. 114. РК 1475–1605. Т. III. Ч. II. С. 202.

¹⁴ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 193, 221, 262; АСЗ. Т. III. М., 2002. № 399. С. 321; РК 1475–1605. Т. II. Ч. II. С. 438, 456; Т. IV. Ч. I. С. 38, 115.

кн. Д.А. Друцкий, состоял в «особом дворе» Ивана Грозного и руководил дворовым Поместным приказом. Кн. Дмитрия Друцкого впервые на службе видим в походах 1576 г. в чине головы. В 1584/85 г. он находился «для городского дела» в Торопце. Оказавшись в рядах провинциального дворянства, он был писцом Деревской пятины (1588/89 г.) и Суздальского уезда (1594/95 г.). В 1598 г., во время похода Бориса Годунова в Серпухов, кн. Друцкий оставлен в Москве. В том же 1598 г. он служил воеводой в Темникове (1598 г.), в 1601 г. мы видим его в объезжих головах в Москве, а в 1601/02 г. – на воеводстве в Козьмодемьянске. Все эти службы не отразились на его служебном положении: в 1602/03 г. он числился в костромском выборе с прежним поместным окладом¹⁵.

Кн. Иван Семёнович Козловский и его племянник кн. Михаил Юрьевич тоже имели связь с «особым двором» Ивана IV. Кн. И.С. Козловский в 1565 и 1570 г. участвовал в походах в чине головы. В 1572 г. он упоминается среди участников царской свадьбы; в 1572/73 г. в новгородском походе сопровождал Ивана IV. В том же году он был одним из «поезжан» на свадьбе принца Магнуса. В 1573 г. он числился среди дворовых Ивана Грозного с окладом 130 рублей. Кн. Иван Козловский был вотчинником Бежецкого уезда (вотчину продал в 1588/89 г.). В июле 1585 г. он ездил в Дедилов, чтобы конвоировать в Москву опальных воевод. В костромском выборе 1588/89 г. кн. И.С. Козловский занял 4-ю позицию с окладом 600 четей. Его племянник кн. М.Ю. Козловский оказался в конце списка с окладом 200 четей. О его службе мы знаем немного – в июле 1591 г. он ездил из Москвы в Серпухов с царской опальной грамотой к кн. Ф.И. Мстиславскому¹⁶.

В списке выборных по Костроме 1588/89 г. с окладами по 500 четей записаны Иван Мансурович Товарыщев и Семён Васильевич Огарёв. Товарыщев был выходцем из Среднего Поволжья. Его отец, Мансур Товарыщев, в 1577 г. известен как голова у чебоксарцев. Брат Ивана Мансуровича, Мисюрёв, в 1602/03–1611 гг. служил по Нижнему Новгороду, а в дальнейшем по Арзамасу¹⁷. Не обнаруживается в Костромском уезде и родни С.В. Огарёва (в 1577 г. служил в головах у смолян), родичи которого в конце XVI – начале XVII в. служили по Медыни¹⁸. С окладом 550 четей среди костромских выборных записан Семен Никитич Бешенцов. Возможно, это участник Полоцкого похода 1562–1563 гг. голова Семён Бешенцов. На начало XVII в. в Костромском уезде нам известны два человека с этой фамилией – сын Семёна Никитича Долмат, а также недоросль Кирилл Степанович. В это же время Бешенцовы служили и по Великим Лукам¹⁹.

¹⁵ Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 194; АСЗ. Т. II. № 213, 214. С. 197, 198; № 495. С. 424–425; Т. III. № 14. С. 13; № 189. С. 158; № 190. С. 159; Т. IV. № 135. С. 99; РК 1475–1605. Т. II. Ч. II. С. 410, 425; Т. III. Ч. II. С. 61; Т. IV. Ч. I. С. 29, 114, 134; Павлов А.П. Указ. соч. С. 138; Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 221, 262.

¹⁶ СО–1573. С. 56; РК 1475–1605. Т. II. Ч. I. М., 1981. С. 186–187; Т. II. Ч. II. С. 269, 321, 334; Т. III. Ч. II. С. 140, 221; АСЗ. Т. II. № 233. С. 214; Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 221–222.

¹⁷ РК 1475–1605. Т. II. Ч. III. С. 479; Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 221, 274; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. М., 2003 (далее – НД). № 39. С. 143; № 64. С. 183; БС–1611. С. 99; ОС–1618. С. 71; Боярская книга 1627 года (далее – БК–1627). М., 1986. С. 126.

¹⁸ РК 1475–1605. Т. II. Ч. III. С. 479; Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 221, 243, 256, 286, 287, 339, 351, 361, 368; БС–1611. С. 90.

¹⁹ Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст). СПб., 2004. С. 62; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 27, 94; д. 2, л. 180.

В списке костромских выборных 1588/89 г. записаны также двое представителей рода Зюзиных: Мирослав Иванович (с окладом 500 четей) и Иван Плакидин сын (450 четей). Зюзины были в милости у Ивана Грозного. Мирослав Зюзин впервые упоминается как голова в походах 1576 г. В 1601/02–1604/05 гг. он служит головой в Сунженском остроге на Тереке; в списке костромских выборных 1602/03 г. записан с прежним окладом. В 1604 г. в поход против Лжедмитрия он выставил 4 человека. Последнее упоминание о нем относится к маю 1606 г., когда он находился на воеводстве в Балахне²⁰. О службе Ивана Плакидина Зюзина сведения отсутствуют.

Потомки некогда самостоятельной династии, князья Вяземские, были представлены в выборе по Костроме персоной кн. Семёна Юрьевича Вяземского (оклад 500 четей). Помимо него по Костроме на рубеже XVI–XVII вв. несли службу не менее восьми представителей его рода. В 1599/1600–1600/01 гг. кн. Семён Юрьевич был воеводой в Козьмодемьянске; с прежним окладом он числился в выборе по Костроме в 1602/03 г. В 1604/05 г. кн. С. Вяземский в чине письменного головы действовал против сторонников Лжедмитрия I под Брянском, затем в Епифани. При Лжедмитрии I он был на воеводстве в Рязске, а в 1606–1607 гг. – в Перми. Надо полагать, к этому времени он уже получил чин московского дворянина, в каковом и отъехал на службу к Лжедмитрию II. В конце 1608 – начале 1609 г. он во главе «воровских» отрядов пытался овладеть Нижним Новгородом, но был разбит, взят в плен и публично казнён²¹.

Осип Богданович Супонев, имевший в 1588/89 г. оклад 550 четей, принадлежал к фамилии, прочно укоренившейся в Костромском уезде. На начало XVII в. там насчитывается 9 представителей этого рода. Около 1586/87 г. его отец, костромской сын боярский Богдан Никитич Супонев, нёс службу в Комарицкой волости. Сам Осип Супонев ранее 1593 г. участвовал в сборе костромских детей боярских. Он записан также в костромском выборе в 1598/99 г. В боярском списке 1602/03 г. его имени нет; сыновья Б. Супонева в 1604 г. служили жильцами²².

В костромском выборе 1588/89 г. с окладом 500 четей записан Иван Ширяев сын Чулков. В 1595 г. он выполнял, судя по всему, обязанности губного старосты в Костроме. В начале XVII в. в Костромском уезде служил с небольшим окладом (150 четей) ещё один носитель этой фамилии – Родион Юматов Чулков²³. С окладом 400 четей записан в выборе по Костроме Яков Романович Охотин-Плещеев. В списке 1602/03 г. он уже не значится, несмотря на то, что был ещё жив (в 1603/04 г. был душеприказчиком у завещания). На начало XVII в. в Костромском уезде помимо его сына, Дмитрия Яковлевича, служили

²⁰ РК 1475–1605. Т. II. Ч. II. С. 412, 425; Т. IV. Ч. I. С. 133; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 221, 262, 390; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 177; *Антонов А.В., Маштафаров А.В.* Указ. соч. № 217. С. 455.

²¹ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 221, 262, 394; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 4, 47; РК 1475–1605. Т. IV. Ч. I. С. 97, 109; Т. IV. Ч. II. С. 84, 100; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 4, 40; НД. № 44, 45. С. 163–164; № 57. С. 176–177; *Тюменцев И.О.* Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 368; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1937. С. 308.

²² АСЗ. Т. I. № 129. С. 102; РК 1475–1605. Т. III. Ч. I. С. 67; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 221, 254, 388; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 19, 22, 28, 30, 39, 100.

²³ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 221; *Павлов А.П.* Указ. соч. С. 241; *Антонов А.В.* Костромские монастыри в документах XVI – начала XVII века // РД. Вып. 7. № 52. С. 148; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 12.

еще несколько носителей этой фамилии²⁴. С окладом 300 четей в списке выборных 1588/89 г. фигурирует Василий Григорьевич Шетнев. В 1616 г. в Костромском уезде упоминаются четверо Шетневых²⁵.

Примыкали к костромскому выбору испомещённые в уезде представители «служилой литвы» – Павел Гошевский и Матьяш Мизин Дмитриев (с окладами по 600 четей). Наиболее ранние сведения о Гошевском относятся к 1587/88 г., когда он приобрел вотчину в Переславльском уезде (в том же году она была изъята с возвратом уплаченных за неё денег)²⁶. Павел Гошевский довольно быстро выбыл с государственной службы²⁷. Матьяш Мизин, напротив, на службе оставался долго. Первые сведения о нём относятся к концу царствования Ивана Грозного: летом 1582 г. его рота была расквартирована в Коломне. В 1602/03 г. Мизин служил по Костроме с прежним окладом. Он принял участие и в событиях первых лет Смуты. 8 октября 1607 г. под Козельском в бою с войсками Лжедмитрия II ротмистр Матьяш Мизин попал в плен и, надо полагать, перешёл на сторону самозванца. В 1609 г. он бежал из Тушино в Москву. В 1616 г. ротмистра уже не было в живых; частью его костромского поместья владела его вдова²⁸.

К началу XVII в. состав костромского выбора существенно обновился. Численность его почти не изменилась – в боярском списке 1602/03 г. выборных по Костроме насчитывается 26 человек. Восемь из них служили по выбору раньше: Г. Овцын (700 четей), кн. Д. Друцкий (600 четей), В. и М. Овцыны (по 550 четей), М. Зюзин, кн. С. Вяземский, У. Новосильцев (по 500 четей), а также служилый литвин М. Мизин (600 четей)²⁹. Никто из перечисленных лиц (кроме М. Овцына, получившего, вероятно, оклад своего умершего брата П. Овцына) за 15 лет службы не увеличил своего поместного оклада.

На $\frac{2}{3}$ состав костромского выбора состоял к 1603 г. из новых лиц. Как и в 1589 г., там имел представительство род Зюзиных. Место выбывшего Ивана Плакидина Зюзина заняли братья Калинин Иванович и Алексей Иванович Зюзины (с окладами по 450 четей). Последний в годы Смуты сделал удачную карьеру. В 1599 г. он (вместе с Калининком) поставил подпись на «Утверждённой грамоте» об избрании на престол Бориса Годунова; в 1602/03 г. находился на воеводстве в Пелыме. В январе 1608 г. Алексей Зюзин участвовал в свадьбе царя Василия Шуйского, к концу царствования которого был пожалован вотчиной за оборону столицы. В 1610–1611 гг. он служил воеводой в Устюге Великом, в 1612 г. – в Каргополе. В 1613–1614 гг. Алексей Зюзин возглавлял посольство в Англию; в 1615–1617 гг. – участвовал в русско-шведских переговорах. В боярской книге 1615/16 г. он значился уже в чине московского дворянина; после заключения Столбовского мира 1617 г. его пожаловали в окольничие.

²⁴ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 222; АСЗ. Т. III. № 325. С. 265; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 30, 44, 91.

²⁵ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 222; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 18, 20, 30, 45.

²⁶ АСЗ. Т. II. № 225. С. 207; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 222.

²⁷ Не исключено, что именно он упоминается как умерший около 1591 г. вологодский помещик Павел Госвицкий (АСЗ. Т. III. № 94. С. 83).

²⁸ АСЗ. Т. I. М., 1997. № 98. С. 75; НД. № 15. С. 54; Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 317, 330; *Мархоцкий Н.* История Московской войны. М., 2000. С. 28; Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611) // ПИВЕ. Т. IX. М.; Варшава, 2012. С. 127, 131; *Тюменцев И.О.* Указ. соч. С. 464; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 222, 262; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 100.

²⁹ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 262.

В 1618 г. Алексей Зюзин принимал участие в обороне Москвы от войск королевича Владислава, за что был пожалован вотчиной в Костромском уезде. После заключения Деулинского перемирия он руководил «пересмотром» иноземцев, оказавшихся на службе в России. В 1618/19 г. А.И. Зюзин скончался. Он оказался единственным представителем костромского дворянства начала XVII в., сумевшим выслужить думный чин³⁰. Его брат Калинин Зюзин сошёл со сцены намного раньше. В марте 1604 г. в чине письменного головы он отправился в неудачный для русского войска поход «в Шевкалы», из которого, вероятно, не вернулся. В 1616 г. в Костромском уезде жил его 15-летний сын – недоросль Иван Калинин сын Зюзин с сестрой Агрофеной; за сиротами числилось лишь 12 четей поместья³¹.

В костромском выборе 1602/03 г. представлены родственники и других выборных 1588/89 г. В их числе – кн. Сила Романович Вяземский, служивший с окладом 450 четей. Весной 1606 г. его в чине головы отправили с воеводами на Турки³². Выбывшего кн. Михаила Юрьевича Козловского заменил его брат – кн. Иван Юрьевич (оклад 300 четей). Правда, в его случае мы можем подозревать опалу – в 1588/89 г. он служил в жильцах³³, его перевод в ряды костромского дворянства был понижением. Числившийся в костромском выборе и служивший в 1602/03 г. без оклада Пётр Иванович Мансуров, надо полагать, являлся сыном выборного Ивана Мансуровича Товарищева. В 1608 г. он был уже московским дворянином и участвовал в конвоировании семейства Мнишеков к границе. В боярском списке 1611 г. Пётр Мансуров записан среди дворян с пометой «отослан»; московским дворянином он числился и в дальнейшем, вплоть до 1627 г. В 1615–1619 гг. он находился во главе посольства в Турции³⁴.

В костромском выборе 1602/03 г. появляются новые фамилии. С окладом 450 четей в нём записан Чудин Семёнович Чортов. В Костромском уезде он служил по меньшей мере с 1585 г. К 1612 г. Чудин Чортов (десятилетием ранее занимавший в перечне выборных скромное 12-е место) оказался во главе списка выборных. При довольно высоком окладе (800 четей) в реальности он располагал более скромными земельными угодьями: по сыску 1616 г. за ним числилось 250 четей поместья и 24 чети вотчины. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что Чудин Чортов участвовал в обороне Москвы от Лжедмитрия II и получил жалованную грамоту на перевод 10-й части поместья в вотчину. К 1616 г. он был уже отставлен «за старость и увечье», но продолжал пользоваться авторитетом в Костромском уезде: в частности, брал на поруки костромичей, обязанных явиться для службы в Москву³⁵.

³⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. II. СПб., 1836. № 7. С. 44; РК 1475–1605. Т. IV. Ч. II. С. 54; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 269; Акты Московского государства (далее – АМГ). Т. I. М., 1890. № 45. С. 145; ОС–1618. С. 30, 141, 424; РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 7, л. 223–224.

³¹ РК 1475–1605. Т. IV. Ч. II. С. 69; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 39; оп. 9, д. 8, л. 214.

³² Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в хронографы русской редакции. Приложение к Обзору хронографов русской редакции. М., 1869. С. 330 (в публикации Сила Вяземский ошибочно назван «Силава Земской»).

³³ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 208, 262.

³⁴ Там же. С. 262; НД. № 219. С. 360; БС–1611. С. 94; АМГ. Т. 1. № 45. С. 145; Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 336, 342; БК–1627. С. 82.

³⁵ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 262; Антонов А.В. Указ. соч. № 37. С. 105; АСЗ. Т. II. № 211. С. 196; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 31, 85, 111.

К старой костромской фамилии принадлежал Афанасий Иванович Шестово. Записанный третьим в списке выборных с высоким окладом 600 четей, он опережал некоторых костромичей, числившихся в выборе еще в 1589 г. Объясняется это его связями при дворе: сестра Афанасия, Ксения, была замужем за боярином Фёдором Никитичем Романовым. Ко времени составления списка, однако, они находились в опале. Для А.И. Шестово служба в костромском выборе также была следствием опалы: ранее он служил в жильцах и стряпчих³⁶. Вместе с Шестово в опале за близость к семейству Романовых оказался служивший по Костроме без оклада выборный сын боярский Борис Иванович Долматов-Карпов. В 1577 г. он был московским дворянином; затем, после смерти Ивана Грозного, стряпчим. В начале XVII в. его перевели на службу в Кострому. После падения Годуновых ему удалось восстановить свои позиции при дворе: в мае 1606 г. он присутствовал на свадьбе Лжедмитрия I в чине московского дворянина. В том же чине мы видим его в 1606/07–1611 гг.³⁷

Как видно, тенденция к переводу впавших в немилость дворовых на службу в Костромской уезд, столь чётко выраженная при царе Фёдоре Ивановиче (на примере членов «особого двора» Ивана Грозного), сохранилась, хотя и в меньших масштабах, в царствование Бориса Годунова. Характерен в этом отношении случай попавших в опалу Андрея Игнатьевича и Константина Ивановича Вельяминовых. Первый из них в 1588/89 г. служил стряпчим, второй – жильцом. Однако в самом начале XVII в. оба числятся выборными по Костроме. Спустя некоторое время Вельяминовы были переведены в состав другой, суздальской провинциальной корпорации³⁸.

В списке костромских выборных 1602/03 г. с окладом 400 четей записан Василий Яковлевич Алалыкин. В начале XVII в. в Костроме жило несколько представителей этого рода³⁹. Андреян Григорьевич Ярцов, записанный в перечне выборных 1602/03 г. с окладом 350 четей, также принадлежал к семейству, прочно укоренившемуся в Костромском уезде⁴⁰. Наиболее раннее упоминание о его службе относится к августу 1597 г., когда он состоял приставом при приехавшем из Мутьянской земли старце. Служба А. Ярцова в Москве позволяет предположить, что в составе костромского выбора тот находился уже к концу XVI в. Он числился в костромском выборе и в 1612 г. (с окладом 500 четей), продолжал служить в 1616 г., несмотря на преклонный возраст (его имя записано в списке «неслуживых и отставленных детей боярских» с пометой «служит»). Записан Ярцов в костромском выборе и в «Осадном списке» 1618 г., впрочем, за него нёс службу сын⁴¹.

Некоторые представители костромского выбора начала XVII в. не имели тесной связи с Костромским уездом. С окладом 400 четей в костромском выборе 1602/03 г. записан Даниил Иванович Шенкурский. В том году он служил в письменных головах на Койсе и был отозван со службы. Погиб Шенкурский под Болховом в 1608 г. Его поместный оклад к этому времени успел вырасти до

³⁶ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 262; *Павлов А.П.* Указ. соч. С. 112, 113.

³⁷ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 262; АМГ. Т. I. № 26. С. 42; *Павлов А.П.* Указ. соч. С. 113; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 80, 137; БС–1611. С. 89.

³⁸ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 206, 208, 261, 355.

³⁹ Там же. С. 262; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 4, 28, 29; оп. 13, д. 2, л. 460.

⁴⁰ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 262. Около 1616 г. помимо самого А.Г. Ярцова и его сына в Костромском уезде жили по меньшей мере трое представителей его фамилии (РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 12, 16, 93).

⁴¹ РК 1475–1605. Т. III. Ч. III. С. 153; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 31, 112; ОС–1618. С. 68.

600 четей, а денежный составил 30 руб.⁴² Иных представителей этой фамилии в Костромском уезде не обнаруживается.

С окладом 400 четей в 1602/03 г. служил по Костроме кн. Матвей Иванович Несвицкий. В 1588/89 г. он числился в чине жильца; в 1597 г. его наделили поместьем (50 четей) в Московском уезде (это указывает на то, что он продолжал служить при дворе, возможно – в чине московского дворянина). В таком случае, его перевод в костромской выбор – безусловная опала. Последние сведения о кн. Матвее Несвицком относятся к началу 1605 г., когда он во главе сотни был направлен против Лжедмитрия I к Ельцу. Его сын кн. Андрей Несвицкий в 1618 г. был жильцом и получил вотчину в Суздальском уезде; другой сын, кн. Даниил Несвицкий, в 1616 г. нёс службу по Костроме⁴³.

В костромском выборе 1602/03 г. с окладом 300 четей служил кн. Пётр Иванович Збарецкий. Вместе с кн. М.И. Несвицким он в 1597 г. получил 50 четей поместья в Московском уезде, затем вместе с ним оказался в составе костромского выборного дворянства. В сентябре 1610 г. он как представитель костромского дворянства вошёл в состав посольства, направленного под Смоленск на переговоры с польским королём Сигизмундом III, который в декабре 1610 г. пожаловал его в московские дворяне. В боярском списке 1611 г. кн. П. Несвицкий записан московским дворянином, но по верстанию 1612 г. по-прежнему значится в костромском выборе (с окладом 650 четей). В апреле 1613 г. он сопровождал в Москву избранного на престол царя Михаила Федоровича. В дальнейшем, в 1615/16–1627 гг. мы вновь видим его в чине московского дворянина; с 1624 г. до кончины в 1627 г. он был воеводой во Ржеве Владимировой. За участие в обороне Москвы от польских войск в 1618 г. его наделили вотчиной в Костромском уезде, и к концу 1620-х гг. его поместный оклад вырос до 850 четей⁴⁴.

Братья князя Василий и Яким Романовичи Бярятинские числились в 1602/03 г. в костромском выборе с окладами 350 и 300 четей соответственно. Старший из братьев в 1600/01 г. был послухом у купчей на вотчину в Московском уезде. В 1606 г. кн. В. Бярятинский сражался с войском Ивана Болотникова под Калугой, Серпуховом и Крапивной, осенью 1607 г. действовал против сторонников Лжедмитрия II под Белёвом, а затем осенью 1608 г. его ранили в бою с людьми самозванца под Москвой. В 1608 г. его поместье в Переславль-Залесском уезде было конфисковано по приказу Тушинского вора. Участие в военных действиях значительно увеличило денежный оклад кн. Василия: накануне Смуты он получал из Костромской четверти 12 руб. годового жалования; к концу царствования Василия Шуйского его оклад вырос до 30 руб. В дальнейшем он примкнул к I Ополчению и в 1611 г. был воеводой в Переславле-

⁴² *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 262; РК 1475–1605. Т. IV. Ч. II. С. 55; РГАДА, ф. 210, оп. 10, д. 6, л. 109, 115.

⁴³ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 208, 262; РК 1475–1605. Т. IV. Ч. II. С. 91; АСЗ. Т. II. № 163. С. 157; ОС–1618. С. 48, 164; РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 6, ч. 2, л. 103.

⁴⁴ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 262; АСЗ. Т. II. № 163. С. 157; Т. III. № 545. С. 470; Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АЗР). Т. IV. СПб., 1851. № 182. С. 318; № 183. С. 399; БС–1611. С. 94; *Морозова Л.Е.* Россия на пути из Смуты. Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005. С. 443; АМГ. Т. I. № 45. С. 144; ОС–1618. С. 39, 139; *Барсуков А.П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. М., 2010. С. 225; Указные грамоты городovým воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. М., 2012. С. 421–437; БК–1627. С. 82.

Залесском, где проявил себя не с лучшей стороны: при приближении польских отрядов в октябре 1611 г. бежал из города. В 1612 г. он продолжал числиться в костромском выборе с окладом 700 четей, а в начале марта 1613 г. мы видим его воеводой в Твери. В 1615/16–1627 гг. он служил в чине московского дворянина (с денежным окладом 80 руб.); в 1618–1619 гг. кн. Василий Барятинский – воевода в Брянске; в 1626–1628 гг. – в Калуге. Его поместный оклад к концу Смуты достиг 1 тыс. четей; в 1619/20 г. ему была дана ввозная грамота на пустоши в Костромском уезде. В сентябре 1633 г. кн. Василий получил поручение собирать в Ярославском уезде детей боярских, бежавших со службы из-под Смоленска⁴⁵. Его брат, кн. Яким Барятинский, рано скончался: в 1616 г. в Костромском уезде жила его вдова⁴⁶.

Род Кутузовых, по всей вероятности, не имел на начало XVII в. костромских корней. Сын видного воеводы конца Ливонской войны Иван Постников Кутузов в 1598/99 и 1602/03 г. числился в костромском выборе с окладом 400 четей. Весной 1600 г. он был объезжим головой в Москве. 22 сентября 1608 г. в чине письменного головы участвовал в неудачном для правительственных войск сражении с тушинцами у села Рахманцева. В костромском выборе Иван Кутузов числился и в 1612 г. (с окладом 750 четей). В 1618–1627 гг. он имел чин московского дворянина; за участие в обороне Москвы в 1618 г. его наделили вотчиной в Костромском уезде, в котором его родственников в начале XVII в. не обнаруживается⁴⁷.

Вероятно, не были коренными костромичами братья Иван и Алексей Фёдоровичи Зубатые, записанные в 1602/03 г. в костромском выборе с окладами по 300 четей. Их брат Тимофей в 1598–1604 гг. имел поместье в Нижегородском уезде. Алексей Зубатый умер костромским дворянином (его вдова Мавра с 10-летним сыном Василием в 1616 г. владели 32 четями поместья в Костромском уезде). Других представителей этой фамилии в Костромском уезде не обнаружено. Брат Алексея Фёдоровича, Иван Зубатый, один из немногих представителей костромской дворянской верхушки перешёл в разгар Смуты на сторону Лжедмитрия II. В марте 1609 г. его отправили из Тушино к Костроме с двумя бочками пороха и свинца. Он продолжал сражаться на стороне тушинцев в июле 1609 г., а в марте 1610 г. вместе с сыном искал покровительства польского короля, который пожаловал его поместьем в Костромском уезде и в 1611 г. назначил его на службу в столичный Старый Земский двор. В дальнейшем он сменил место службы – в ноябре 1618 г. среди детей боярских «царицына чину» упоминается Иван Зубатый (не исключено, что он перешёл на службу к царице-инокине Марфе во время её пребывания в Костромском Ипатьевском монастыре в 1612–1613 гг.)⁴⁸.

⁴⁵ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 262; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 13, 25, 223; Тюменцев И.О. Указ. соч. С. 399; Новые акты Смутного времени. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. № 110. С. 133; Сухотин Л.М. Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.). М., 1912. С. 196–197; АСЗ. Т. III. № 313. С. 255–256; № 474. С. 394; АМГ. Т. I. № 45. С. 144; Барсуков А.П. Указ. соч. С. 45, 110; РГАДА, ф. 210, оп. 13, д. 7, л. 51; д. 4, л. 547, 652, 653 об.; БК–1627. С. 73; АМГ. Т. I. № 556. С. 528.

⁴⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 101.

⁴⁷ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 254, 262; РК 1475–1605. Т. IV. Ч. I. С. 100; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 220; ОС–1618. С. 36, 152; БК–1627. С. 83.

⁴⁸ АСЗ. Т. III. № 136. С. 116; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 91; ф. 141 («Приказные дела старых лет»), оп. 1, д. 2 (1619 г.), л. 409; Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии. Волгоград, 2012. № 15. с. 38; № 280. С. 376; АЗР. Т. IV. № 183. С. 326; БС–1611. С. 78; ОС–1618. С. 83.

В кульминационный момент Смуты, летом 1612 г., в Костроме был составлен список костромских служилых людей, отправленный в Ярославль к кн. Д.М. Пожарскому. В этом перечне названы имена 14 выборных детей боярских (существенно меньше, чем в конце XVI – начале XVII в.). Среди них лишь пятеро были выборными по Костроме до начала Смуты: Ч. Чортов (800 четей), И. Кутузов (750 четей), кн. В. Барятинский (700 четей), кн. П. Збарецкий (650 четей), А. Ярцов (500 четей)⁴⁹. Из них двое – Чортов и Ярцов – принадлежали к костромским служилым семействам (ни тот, ни другой далее выборных продвинуться не смогли). Остальные трое местных корней не имели, но именно они сумели на исходе Смуты выслужить чин московского дворянина. При этом все пятеро существенно увеличили (удвоили) свои поместные оклады.

9 человек в списке 1612 г. являются новыми лицами. Четверо из них принадлежали к семействам, ранее выдвигавшим своих представителей в ряды костромского выбора. Двое из них относились к роду Зюзиных – Олферий Плакидин сын и Беленица Лаврентьев сын. Алферий Зюзин, брат выборного 1588/89 г. Ивана Плакидина Зюзина, в годы Смуты поддерживал правительство Василия Шуйского, поэтому в марте 1610 г. бывший костромской воевода Тушинского вора Н.Д. Вельяминов выхлопотал себе у Сигизмунда III грамоту на его поместье⁵⁰. К 1612 г. Алферий Зюзин выслужил оклад 650 четей и продолжил движение вверх. В 1613 г. в чине головы он участвовал в походе кн. Д.Т. Трубецкого на Новгород. В августе 1616 г. он числился ещё выборным по Костроме; в 1618 г. он уже московский дворянин. За участие в обороне столицы его пожаловали вотчиной в Костромском уезде. В прежнем чине и с окладом 750 четей он служил в 1627 г.; от службы его отставили в 1645/46 г. Беленица Лаврентьев сын Зюзин сделал менее успешную карьеру, чему виной был либо преклонный возраст, либо увечья. В списке костромских выборных 1612 г. он записан с окладом 650 четей, однако службу за него нёс его сын Фёдор⁵¹. Выступив в начале XVII в. сплоченным семейным кланом, Зюзины сумели удержаться в верхушке костромского выбора и утвердиться в составе Государева двора.

С окладом 600 четей в костромском выборе 1612 г. записан Богдан Иванович Чулков, сын костромского выборного конца XVI в. Ивана Ширяева Чулкова. В 1613–1614 гг. он был воеводой в Заонежских погостах, где принимал участие в боевых действиях против польско-литовских отрядов. К 1618 г. он выслужил чин московского дворянина; за участие в осадном сидении «в королевичев приход» его пожаловали вотчиной в Костромском уезде⁵².

Род князей Вяземских, заметный в верхушке костромского дворянства, в выборе 1612 г. имел также своего представителя – кн. Василия Григорьевича. К началу Смуты он был недорослем: в росписи русского войска 1604 г. упо-

⁴⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 31.

⁵⁰ АЗР. Т. IV. № 183. С. 324. Помимо Алферия Зюзина объектом происков Вельяминова стали поместья других представителей костромского дворянства, в частности, кн. Петра Збарецкого, Ивана Кутузова, а также Богдана Чулкова и сыновей Казарина Шестакова. По предположению И.О. Тюменцева, поместьями этих костромских дворян Вельяминов завладел ещё в конце 1608 г. (Тюменцев И.О. Указ. соч. С. 421–422).

⁵¹ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 31; оп. 9, д. 6. л. 118; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 221; АЗР. Т. IV. 183. С. 324; ОС–1618. С. 38, 141; БК–1627. С. 82; Боярская книга 1639 года (далее – БК–1639). М., 1999. С. 105.

⁵² РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 31; АМГ. Т. I. С. 106; ОС–1618. С. 37, 196.

минается не он, а его мать – вдова Татьяна Григорьевна жена Вяземского. Сам кн. Василий Вяземский в костромском выборе оставался недолго: к 1615/16 г. был московским дворянином и к концу 1620-х гг. выслужил оклад 800 четей и 72 руб., около 1639 г. он скончался⁵³.

Ещё пять человек из состава костромского выбора 1612 г. относятся к фамилиям, до того в выбор не входившим. Борис Киреев сын Угримов записан в перечне выборных вторым, с окладом 800 четей. В 1605 г. в чине сотника московских стрельцов он участвовал в обороне Новгорода-Северского от войск Лжедмитрия I. Семья Угримовых принадлежала к числу костромских фамилий. Около 1616 г. в Костромском уезде служил Артём Фёдорович Угримов, а также упоминаются вдовы трёх представителей этой фамилии – Савина, Василия и самого Бориса Угримовых⁵⁴.

С окладом 750 четей в выборе 1612 г. записан Прокофий Андреевич Ступишин. Представители его рода имели давние корни в Костромском уезде: один из них был писцом на Костроме в 1541 г. Сам Прокофий Андреевич начинал службу успешно, будучи в 1588/89 г. жильцом. В дальнейшем в составе Государева двора его имя отсутствует. Вероятно, Ступишин по какой-то причине попал в опалу, возможно, в связи с делом Романовых 1600 г. Предположение о связи Ступишиных с Романовыми косвенно подтверждается тем, что сын Прокофия Ступишина, Иван, в 1627 г. служил стольником у патриарха Филарета⁵⁵.

С окладами по 600 четей в костромской выбор 1612 г. записаны братья Курдюк и Григорий Агеевичи Кафтыревы. Их род в Костромском уезде был более чем заметен: на начало XVII в. по Костроме служило одновременно более 30 представителей этой семьи. Имя Курдюка Кафтырева в документах впервые встречается в 1603 г. В 1604–1605 гг. он в чине сотника московских стрельцов участвовал в военных действиях против Лжедмитрия I. На исходе царствования Бориса Годунова, 25 марта 1605 г., на государя отписали его поместье в Ярославском уезде (181 четь). В качестве компенсации ему пожаловали 269 четей поместья в Луховском уезде. Поместный оклад Кафтырева на тот момент составлял 450 четей. У Кафтырева имелось также поместье в Костромском уезде (к 1612 г. оно составляло 150 четей). Получается, что после обмена ярославского поместья на луховское в его распоряжении оказалось около 420 четей поместной земли, что почти соответствовало его поместному окладу. В декабре 1608 г. он приводил к присяге Василию Шуйскому жителей Шуи. 11 июля 1612 г. Курдюк Кафтырев получил грамоту на поместье в Ярославском уезде. В 1618–1627 гг. он был московским дворянином. Вознаграждение вотчиной за участие в «осадном сидении» 1618 г. Кафтырев предпочёл реализовать не в Костромском, а в Ярославском уезде⁵⁶.

⁵³ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 394; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 31; ОС–1618. С. 35; АМГ. Т. I. С. 144; БК–1627. С. 81; БК–1639. С. 99.

⁵⁴ АСЗ. Т. III. № 381. С. 309; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 2; АМГ. Т. I. № 42. С. 66, 68; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 15, 31, 102, 103.

⁵⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 31; *Антонов А.В.* Указ. соч. № 104. С. 208; *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 209; БК–1627. С. 57.

⁵⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 4, 7, 9, 12, 15, 18–22, 24, 29–31, 40, 75, 86, 99, 101, 112; АСЗ. Т. II. № 183, 184, 186. С. 172–175; АМГ. Т. I. № 42. С. 69 (в публикации допущена ошибка: вместо «Курдюковы сотника Фтырева» следует читать «Курдюковы сотни Кафтырева»); Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией Российской академии наук. Т. 2. СПб., 1841. № 351. С. 418; ОС–1618. С. 37, 145; БК–1627. С. 98.

Его брат, Григорий Агеевич Кафтырев, числился в костромском выборе дольше, по меньшей мере, до начала 1630-х гг. (в 1639 г. он имел чин московского дворянина). Подобно брату, он имел владения не только в Костромском уезде: за участие в обороне Москвы «в королевичев приход» его пожаловали вотчиной в Галичском уезде⁵⁷.

К старому костромскому роду принадлежал записанный в списке выборных 1612 г. с окладом 500 четей Семен Григорьевич Гиневлев. Родоначальник фамилии, Михаил Ильич Гиневль, был наделён поместьем в Костромском уезде в 1533 г.; в 1546 г. его поместье отошло к сыну – недорослю Григорию. В 1573 г. Г.М. Гиневлев состоял в «особом дворе» Ивана Грозного. Ему удалось благополучно пережить Смуту: в 1616 г., в возрасте не менее 70 лет, он упоминается среди детей боярских, отставленных за старость и увечье. Его сын, Семён Григорьевич Гиневлев, выборный 1612 г., умер раньше своего отца: в 1616 г. старый и увечный Г.М. Гиневлев доживал век в поместье внука, 15-летнего недоросля Никодима Семёновича Гиневлева⁵⁸.

Мы располагаем также списком костромских выборных на момент завершения Смуты. Он содержится в «Осадном списке» 1618 г., где записаны 12 выборных костромичей. Лишь двое из них (Г. Кафтырев и А. Ярцов) к 1618 г. входили в верхушку костромской корпорации более шести лет. При этом Ярцов, несмотря на солидный срок пребывания в чине, записан в списке 1618 г. предпоследним. Его служебному росту мешал преклонный возраст; в 1618 г. вместо него служил его сын⁵⁹.

Срок пребывания в составе костромского выбора остальных десяти дворян был меньше шести лет. Лишь двое из них принадлежали к фамилии, представленной ранее среди выборных по Костроме – Иван Яковлевич и Афанасий Богданович Кафтыревы. И.Я. Кафтырев к началу царствования Михаила Фёдоровича числился в костромских городских детях боярских с окладом 450 четей. В 1639 г. он был московским дворянином; около этого времени он и умер⁶⁰. А.Б. Кафтырев впервые упоминается как новик, начавший службу в конце царствования Василия Шуйского и служивший с окладом 300 четей. В 1618 г. он замыкал собой перечень костромских выборных. Сведений о его дальнейшей службе мы не имеем⁶¹.

Остальные выборные по Костроме 1618 г. относились к новым фамилиям. Открывает их перечень Неждан Тимофеевич Усов. Усовы принадлежали к роду можайских служилых людей⁶². На начало XVII в. Неждан Усов был одним из немногих носителей своей фамилии в Костромском уезде⁶³, где находилось отцовское поместье – сельцо Кукишево. По описанию 1598/99 г. в поместье насчитывалось 355 четей; за время Смуты оно запустело, и в сентябре 1611 г.

⁵⁷ ОС–1618. С. 145; БК–1639. С. 146.

⁵⁸ АСЗ. Т. IV. № 97, 98. С. 72–74; СО–1573. С. 65; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 31, 94, 111.

⁵⁹ ОС–1618. С. 68, 89.

⁶⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 29; БК–1639. С. 140.

⁶¹ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 9. В 1621–1623 гг. некий Афанасий Кафтырев получил 49 четей поместья в Пошехонском уезде, но речь может идти и о тёзке Афанасия Борисовича, Афанасии Матвеевиче Кафтыреве (АСЗ. Т. II. № 182. С. 172; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 4).

⁶² РГАДА, ф. 210, оп. 9, д. 6, л. 165, 167.

⁶³ Возможно, ещё одним костромским помещиком был Пантелей Дмитриевич Усов, бывший в 1595/96 г. писцом в Костромском уезде, а в 1598 г. имевший чин тверского ловчего (РК 1475–1605. Т. III. Ч. III. С. 108; Т. IV. Ч. I. 26).

в нём значилось лишь 55 четей: «то его поместье розбивали розбойники». В начале царствования Михаила Фёдоровича Неждан числился дворовым сыном боярским с окладом 550 четей, служил в Москве и был отправлен в Кострому «для сыску» некоего Давыда Фомина. В январе 1618 г. его наградили «за головодство» (командование дворянской сотней). В конце 1618 г. Усов принимал участие в обороне Москвы в составе полка И.В. Морозова у Сретенских ворот (вновь во главе сотни). За участие в «осадном сидении» он получил вотчину в Костромском уезде⁶⁴.

Семейство Шестаковых служило по Костроме уже в середине XVI в.; в начале царствования Михаила Фёдоровича в уезде служили 11 представителей этой фамилии. В списке костромских выборных 1618 г. записаны двое Шестаковых – братья Роман и Фома Казариновы дети. В 1616 г. оба числились городовыми детьми боярскими с окладами по 500 четей. Дальнейшая судьба Романа Шестакова неизвестна. Его брат Фома в сентябре 1618 г. находился в составе войска кн. Г.К. Волконского в Коломне; в 1630/31 г. продолжал служить по Костроме с окладом 650 четей и 19 руб. К 1639 г. он дослужился до чина московского дворянина и около этого времени скончался⁶⁵.

К костромскому роду служилых людей принадлежал Матвей Гневашев сын Головцын. На второе десятилетие XVII в. по Костроме несли службу шестеро представителей этой семьи. Отец Матвея Головцына, Гневаш Григорьевич, в 1571/72 г. владел вотчиной в Костромском уезде. Сам Матвей Головцын в начале царствования Михаила Романова служил по Костроме с окладом 400 четей. В 1618 г. службу за него в Москве нёс его брат Прокофий, поскольку сам Матвей Головцын в это время участвовал в боях с польско-литовскими отрядами под Костромой. 19 января 1619 г. он был пожалован в Москве «за костромской сеунч»⁶⁶.

Род Деглиных, представленный в Костромском уезде начала XVII в. четырьмя служилыми людьми, выдвинул к 1618 г. в список выборных Юрия Петровича Деглина, который на начало царствования Михаила Романова числился в городских детях боярских с окладом 450 четей. Его брат Василий в то же время был дворовым по Галичу, а отец, Пётр Деглин, записан в перечне костромских неслуживых и отставленных детей боярских (но, между тем, находился на службе)⁶⁷.

Выборным по Костроме в 1618 г. был Никита Борисович Шахов. Шаховы – известный костромской род, представленный на государственной службе второго десятилетия XVII в. 18 именами. Попавший к 1618 г. в выборные Никита Борисов сын Шахов, надо полагать, идентичен Никите Бердюкину сыну Шахову, служившему несколькими годами ранее по Костроме с окладом 450 четей⁶⁸.

Иван Михайлович Хрипунов, записанный в перечне выборных 1618 г., принадлежал к семье, до того не заметной в Костроме. В то же время в за-

⁶⁴ АСЗ. Т. II. С. 363; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 30; оп. 9, д. 7, л. 325; ф. 396 («Архив Оружейной палаты»), оп. 2, кн. 203, л. 189; ОС–1618. С. 189.

⁶⁵ Антонов А.В. Указ. соч. № 5. С. 60; РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1. л. 7, 8, 17–19, 26, 27, 29, 110; д. 3, л. 34; ОС–1618. С. 68; БК–1639. С. 136.

⁶⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 7, 10, 13, 19, 25; ф. 396, оп. 2, кн. 204, л. 270; Антонов А.В. Указ. соч. № 29. С. 96–97; ОС–1618. С. 68.

⁶⁷ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 4, 24, 29, 30, 110.

⁶⁸ Там же, л. 4, 5, 12–14, 16, 18, 20–23, 26, 27, 81, 107.

падных уездах (в Ржеве Пустой, Ржеве Володимировой, Торопце и Зубцове) этот род оставил значимый след. Братья Иван, Кирилл, Данило Путятинны дети Хрипуновы, служившие по Зубцову с окладами по 500 четей, в начале XVII в. бежали в Речь Посполитую и в боярском списке 1602/03 г. записаны как изменники. Подобное поведение однородцев могло стать причиной опалы Хрипуновых и перевода некоторых из них на службу в Костромской уезд. К концу Смуты Хрипуновы успели реабилитироваться: один из прежних «изменников», Иван Путятин Хрипунов, в марте 1614 г. имел даже чин московского дворянина⁶⁹.

Записанный в «Осадном списке» 1618 г. выборный по Костроме Иван Лукьянов сын Чейнской – единственная персона в перечне, которая не поддается идентификации. В Костромском уезде начала XVII в. не обнаруживается ни одного человека с этой фамилией. Среди костромских детей боярских того времени есть лишь один человек с отчеством Лукьянович – 13-летний недоросль Дей Лукьянов сын Кишенский. Не исключено, что в документе допущена описка, и речь должна идти о ком-то из Кишенских (около этого времени по Костроме служили четверо представителей этого рода)⁷⁰.

Итак, мы располагаем данными о службе в верхушке костромского служилого города 1589–1619 гг. 63 детей боярских, что позволяет сделать некоторые наблюдения и выводы. Жизненный путь костромских выборных прослеживается с разной степенью полноты, что обусловлено уровнем сохранности источников. Так, упоминаниями в числе выборных в 1603 или 1612 г., по сути, ограничивается информация, которой мы располагаем о В. Алалыкине, кн. Я. Барятинском, А. Зубатом, Б. Зюзине, С. Гиневлеве. С другой стороны, биографические сведения о некоторых костромских выборных охватывают более чем 30-летний временной период: Г. Овцын (1572–1603 гг.), В. Овцын (1573–1611 гг.), Ч. Чортов (1585–1616 гг.), Б. Долматов (1577–1611 гг.), кн. В. Барятинский (1601–1633 гг.), Алф. Зюзин (1610–1646 гг.), кн. В. Вяземский (1604–1639 гг.). У прочих представителей костромского выбора 1603 и 1612 г. (23 человека) биография прослеживается на временном отрезке от 3 (кн. С. Вяземский) до 30 лет (М. Зюзин, кн. П. Збарецкий) и в среднем составляет около 20 лет.

Следует учитывать, что на службу дворяне в то время зачислялись с 15 лет. Думается, не менее 10–15 лет им требовалось на то, чтобы приобрести военный и административный опыт, достаточный для того, чтобы занимать командные должности (в которых они и упоминаются в большинстве случаев впервые в сохранившихся документах). Приблизительные подсчеты позволяют сделать вывод о том, что некоторые представители верхушки костромского служилого люда «поколения Смуты»⁷¹ прожили до 60–70 лет (например, кн. П. Збарецкий, кн. В. Барятинский, В. Овцын, Алф. Зюзин). Между тем Смута преждевременно прервала жизнь некоторых выборных костромичей начала XVII в.: казнённого в Нижнем Новгороде кн. С.Ю. Вяземского, погибшего в сражении под Болховом Д.И. Шенкурского. Скорее всего, погиб в

⁶⁹ Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 73, 202, 265, 289; АСЗ. Т. II. № 436. С. 371; Т. III. № 534, 545. С. 454, 470–471; Т. IV. № 513. С. 411; Сухотин Л.М. Указ. соч. С. 264.

⁷⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 13, 64, 97, 105, 106.

⁷¹ Используем здесь удачную, на наш взгляд, формулировку В.Н. Козлякова (*Козляков В.Н.* Московское и уездное дворянство поколения Смуты // *Российская история.* 2012. № 5. С. 64–81).

1605 г. на Кавказе К.И. Зюзин. Нестарыми ещё людьми были на момент своего последнего упоминания в источниках кн. С.Р. Вяземский и кн. М.И. Несвицкий (имена обоих исчезают из документов после 1605 г.). Имена некоторых выборных пропадают со страниц документов после единственного упоминания в боярском списке 1602/03 г. В целом Смута сократила численность населения в стране приблизительно на $\frac{1}{3}$. Думается, верхушка костромского служилого «города» понесла в начале XVII в. потери примерно того же объёма.

Численность костромского выбора на рубеже XVI–XVII вв. не претерпела существенных изменений. К 1612 г. количество костромских выборных сократилось почти вдвое – до 14 человек. На исходе Смуты, в 1618 г., в Костромском уезде числилось 12 детей боярских, служивших по выбору. Сокращение численности костромского выбора вряд ли следует объяснять обстоятельствами Смутного времени. В 1588/89 г. костромской выбор наполовину состоял из лиц, ранее входивших в окружение Ивана Грозного, попавших в опалу по смерти этого царя. Чуть менее половины от общего числа выборных опальные составляли и в начале XVII в. Их массовое включение в провинциальные служилые корпорации деформировало служилый «город», существенно увеличив численность выборных детей боярских. В годы Смуты костромской выбор количественно возвратился к прежнему уровню.

Присутствие в составе выборных большого количества опальных, ранее служивших в Государевом дворе, отесняло костромских служилых людей от самой верхушки корпорации и, как следствие, от вхождения в Государев двор. Среди выборных по Костроме 1588/89 г. фигурируют представители четырёх прочно укоренившихся в Костромском уезде фамилий – кн. Вяземские, Овцыны, Супоневы и Чулковы (7 человек, меньше трети от общего количества). В списке выборных 1602/03 г. местных фамилий обнаруживается уже шесть – Алалыкины, кн. Вяземские, Овцыны, Чортовы, Шестово, Ярцовы (9 человек, чуть более трети от общего числа). К 1612 г. местные дети боярские составляли уже более половины костромского выбора (8 человек) из 7 фамилий – кн. Вяземские, Гиневлевы, Кафтыревы, Угримовы, Чортовы, Чулковы, Ярцовы). В 1618 г. костромской выбор состоял из представителей местных служилых фамилий более чем на $\frac{4}{5}$ (10 человек из 7 семейств) – Головцыны, Деглины, Кафтыревы, Кишенские(?), Шаховы, Шестаковы, Ярцовы. Замечу, что за три десятилетия фамильный состав костромской верхушки обновился полностью: в «осадном списке» 1618 г. среди выборных костромичей нет ни одного представителя фамилий, служивших в Костроме по выбору в конце XVI в.

За рассмотренный период из костромского выбора полностью пропали представители титулованной знати. Среди костромских выборных конца XVI в. записаны имена четверых представителей княжеских фамилий: кн. Д.Д. Друцкий, кн. И.С. Козловский, кн. М.Ю. Козловский, кн. С.Ю. Вяземский. К началу XVII в. количество титулованных выборных по Костроме увеличилось: княжеский титул носили 8 человек. Кроме служивших ранее кн. Д.Д. Друцкого и кн. С.Ю. Вяземского, там числились теперь кн. С.Р. Вяземский, кн. М.И. Несвицкий, кн. В.Р. Барятинский, кн. Я.Р. Барятинский, кн. И.Ю. Козловский и кн. П.И. Збарецкий. К 1612 г. число титулованных выборных по Костроме сократилось до трёх человек – кн. В.Р. Барятинский, кн. П.И. Збарецкий и

кн. В.Г. Вяземский. К 1618 г. по выбору в Костроме не служил ни один обладатель княжеского чина⁷².

Обращает на себя внимание динамика роста размеров поместных окладов костромских выборных. В первые годы царствования Фёдора Ивановича они имели оклады, варьирувавшиеся в диапазоне от 200 до 700 четей. У большинства, 17 человек из 24, оклады были высокими – от 500 четей. Иная картина сложилась в начале XVII в. Размеры окладов костромских выборных остались примерно в тех же рамках (от 300 до 700 четей), но лишь немногие из них имели оклады в 500 и более четей – 9 человек из 26. Из девяти обладателей высоких поместных окладов восемь человек являлись выборными уже в 1588/89 г.; их оклады были назначены им в начале царствования Фёдора Ивановича. За прошедшие с того времени полтора десятка лет почти никто из них не увеличил своего поместного оклада. Большинство костромских выборных начала XVII в. имели относительно небольшие оклады – менее 500 четей, а двое несли службу без оклада.

Это отчасти объясняет позицию провинциальных дворян на начальном этапе Смуты. Борис Годунов оказался скуп на пожалования. Его непопулярность в провинциальной дворянской среде, вызванная нежеланием его правительства дать дорогу ко двору верхушке провинциального дворянства, служившего десятилетиями без роста поместных и денежных окладов, со всей очевидностью была продемонстрирована массовым переходом провинциалов на сторону Лжедмитрия I. Интересно, что Лжедмитрий I начал свое царствование с верстаний и пожалований служилых людей: «А в городех дворян и детей боярских велел для прелести верстать и давать оклады большие». В частности, в Кострому для верстания костромичей и ярославцев он отправил боярина кн. А.П. Куракина⁷³. В годы Смуты ситуация существенно изменилась: нижняя граница размера поместного оклада для костромичей, служивших по выбору в 1612 г., составила 500 четей. И если выборные 1588/89 г. к 1603 г. своих поместных окладов так и не увеличили, то все пять представителей костромских детей боярских 1603 г., продолжавших служить по выбору к 1612 г., оклады почти удвоили. Этому способствовали как обстоятельства Смутного времени, дававшие широкие возможности для выслуги, так и заинтересованность центрального правительства в обеспечении лояльности провинциального дворянства.

Костромские выборные, разумеется, участвовали во всех крупных военных походах конца XVI – начала XVII в.: серпуховской поход Бориса Годунова 1598 г. (У. Новосильцев), поход «на Шевкалы» 1604–1605 гг. (К. Зюзин). Костромские выборные заметны и на полях сражений Смутного времени: с Лжедмитрием I (кн. С.Ю. Вяземский, кн. М. Несвицкий, Б. Угримов, К. Кафтырев), повстанцами Ивана Болотникова (кн. В. Барятинский), сторонниками Лжедмитрия II (Д. Шенкурский, М. Мизин, кн. В. Барятинский, В. Овцын, К. Кафтырев). В обороне Москвы в 1618 г. принял участие практически весь костромской «выбор». В целом верхушка костромского «города» в событиях Смуты заняла проправительственные позиции. Лишь двое – кн. С.Ю. Вяземский и И.Ф. Зубатой – примкнули к тушинцам (первый из них поплатился за это жизнью).

⁷² В 1616 г. по Костроме служили «в ряду», помимо князей Вяземских, кн. И.Р. Шелешпанский, кн. Н.М. и М.М. Шехонские и кн. П.А. Волконский (РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 20, 29, 30).

⁷³ Белокуров С.А. Указ. соч. С. 6.

Помимо ратной службы, костромские выборные служили воеводами и головами в городах Поволжья (Самара, Царицын, Козьмодемьянск, Балахна), на севере (Пермь, Устюг, Каргополь, Заонежские погосты) и юге страны (Курск, Темников, Рязск). Костромичи были на воеводствах в центральных городах державы (Переславль-Залесский, Тверь), но случались у них и назначения в отдалённые города и остроги Сибири (Верхотурье, Пелым) и Кавказа (Сунжа, Койса, Терский городок). Некоторым из них могли давать поручения по строительству городских укреплений – Г. Овцын, в частности, был «у городского дела» в Астрахани и Дедилове. Другой костромской выборный, кн. Д. Друцкий, дважды выполнял обязанности писца (в Новгородском и Суздальском уездах). И. Чулков состоял губным старостой в Костроме. Как представители низшего слоя Государева двора костромские выборные привлекались к службе в Москве. Во время пребывания в столице поставили свои подписи на «Утвержденной грамоте» Бориса Годунова братья А. и К. Зюзины; И. Кутузов и В. Овцын были в Москве объезжими головами «для огней»; А. Ярцов выполнял обязанности пристава.

Смута открыла перед верхушкой провинциального служилого люда более широкие возможности чиновного роста. Из костромских выборных конца XVI в. лишь Г.А. Васильчиков сумел выслужить чин московского дворянина. Во время Смуты провинциальные дворяне стали продвигаться по службе значительно быстрее. Из 26 человек, записанных в костромской выбор 1602/03 г., к 1612 г. в московские чины вышли пятеро: Б.И. Долматов-Карпов (к 1606 г.), кн. С.Ю. Вяземский (к 1608 г.), П.И. Мансуров (к 1608 г.), А.И. Зюзин (к 1611 г.; в 1617 г. пожалован в окольничие), В.А. Овцын (к 1611 г.). Эта тенденция имела продолжение и в первые годы царствования Михаила Федоровича, на исходе Смуты. Из костромских выборных 1612 г. семеро (половина от общего числа) ещё до завершения Смуты выбились в московские дворяне. К началу 1614 г. этот чин уже носил кн. В.Р. Барятинский, к 1615 г. – кн. П.И. Збарецкий и кн. В.Г. Вяземский; к 1618 г. московскими дворянами успели стать А.П. Зюзин, К.А. Кафтырев, И.П. Кутузов, Б.И. Чулков. Таким образом, из 35 костромских выборных 1603 и 1612 г. 12 человек (т.е. каждый третий) открыли себе дорогу в Государев двор, а одному из них (А.И. Зюзину) удалось войти даже в состав Боярской думы. Освобождавшиеся места выборных занимали уже не опальные придворные, как это нередко бывало на рубеже XVI–XVII вв., а представители местных костромских семейств. Причём их продвижение по службе было быстрым: некоторые костромские выборные 1618 г. всего за несколько лет до того числились в дворовых и даже просто в городских детях боярских. С завершением Смуты возможностей для вхождения в состав Государева двора у провинциальных детей боярских стало значительно меньше. Из известных нам 12 костромских выборных 1618 г. московскими дворянами стали лишь трое (Г.А. Кафтырев, И.Я. Кафтырев, Ф.К. Шестаков), причём все – после продолжительной службы, лишь в 1630-е гг. Смута, охватившая в начале XVII в. Московское царство, для провинциального дворянства оказалась не только временем суровых испытаний, но и периодом, ненадолго открывшим перед ним уникальные возможности служебного роста.